

Людовик XVI, его министры и дипломаты о «политической системе Европы» после Семилетней войны

Аннотация: Семилетняя война создала в Европе новую политическую реальность. По мнению ряда французских министров и дипломатов, их страна из гаранта европейской стабильности, основанной на Вестфальских договорах, превратилась во второразрядную державу. Французские политики вынашивали мечту о реванше, но не любой ценой. Среди политической элиты Франции существовали серьезные разногласия относительно способов – как военных, так и мирных – вернуть былое могущество и влияние в Европе. Споры о внешней политике Франции в новых условиях шли до конца царствования Людовика XV и продолжились при его преемнике Людовике XVI. Анализ переписки Людовика XVI с госсекретарем иностранных дел Верженном, записок Верженна, главы «секретного кабинета» Людовика XV графа де Бройя, дипломата Ж.-Л. Фавье позволяет выявить представления короля, его министров и дипломатов об основах европейского «баланса сил», а также осознание некоторыми из них выхода внешнеполитических интересов Франции за пределы Европы.

Ключевые слова: баланс сил, Брой, Верженн, Вестфальская система, вечный мир, внешняя политика Франции, Людовик XVI, Семилетняя война, франко-австрийский союз

УДК 94(44)035

Abstract: The Seven Years' War created a new political reality in Europe. According to a number of French ministers and diplomats, their country from the guarantor of European stability, based on the Treaties of Westphalia, turned into a second-rate power. French politicians were dreaming of a rematch, but not at any cost. Among the political elite of France there were serious disagreements about ways - both military and peaceful - to regain its former power and influence in Europe. The debate about France's foreign policy under the new conditions continued until the end of the reign of Louis XV and under his successor Louis XVI. The analysis of the correspondence of Louis XVI with his Secretary of State for Foreign Affairs Vergennes, of the notes of Vergennes, of the head of the "secret cabinet" of Louis XV the Count de Broglie, of the diplomat J.-L. Favier makes us possible to identify the views of the King, of his ministers and diplomats about the foundations of European "balance of forces" and the awareness by some of them of France's foreign policy interests outside Europe.

Key words: balance of power, Broglie, foreign policy of France, French-Austrian alliance, Louis XVI, perpetual peace, Seven Years' War, Vergennes, Westphalian system

* Пименова Людмила Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: pimenova@hist.msu.ru)

Сколько бы ни рассуждали правители, дипломаты и философы XVII-XVIII вв. о «вечном мире» и сохранении «баланса сил», в обществе, где господствовали военные ценности, величие и могущество государства утверждались не экономическими показателями и не за столом переговоров, а на полях сражений. Для монархов, заявлявших в международных договорах о своем стремлении к «вечному миру», именно война была нормальным и законным способом разрешения возникавших противоречий и установления справедливости, а война «своего» короля против его соперника по определению считалась «справедливой». Идея справедливой войны была основой образа «воинственного короля» (*le roi de guerre*), так как в ней сходились две составляющие этого образа – король-воин и король-судья: «Государь определялся как *bellator* и как судья (*justicier*), поддерживаемый и хранимый силой оружия и подчинением исходящим от него законам. В понятии справедливой войны был реализован синтез этих двух главных функций»¹.

Исход войны, как и утрата прежних или обретение новых союзников давали повод для осмысления и переосмысления места своей страны в системе союзов и, шире, - в системе европейской политики.

В одной из первых статей Парижского мира, заключенного в 1763 г. по окончании Семилетней войны, перечислялись все договоры, подписанные начиная с Вестфальских 1648 г. и вплоть до начала войны², которые «служат основой и фундаментом мира и настоящего договора», а потому возобновляются, подтверждаются, остаются в силе и должны исполняться, «как если бы они были записаны здесь слово в слово» (*comme s'ils étoient inserés ici Môt à Môt*)³. Но несмотря на заверения в неприкосновенности Вестфальской системы, современники осознавали, что Семилетняя война, ее предыстория с «переворотом альянсов» и результаты создали в Европе новую политическую реальность.

По мнению ряда французских министров и дипломатов, их страна из гаранта европейской стабильности, основанной на Вестфальских договорах, и арбитра в международных делах превратилась во второразрядную державу. Внимательный к современным экономическим теориям герцог де Шуазель, занимавший в годы Семилетней войны посты военного, морского министра и иностранных дел (до 1761 г.), старался отстоять, главным образом, позиции Франции в колониальной торговле, рыболовстве и работорговле и готов был ради этого на большие территориальные уступки. В результате, по условиям мира, Франция понесла большие территориальные потери, но сохранила экономические позиции. Далекое не все современники оказались способны это оценить и сказать вслед за Вольтером (в письме Шуазелю в сентябре 1762): «Я больше люблю мир, чем Канаду, и я полагаю, что Франция может быть счастливой без Квебека»⁴.

¹ Cornette J. *Le roi de guerre: Essai sur la souveraineté dans la France du Grand Siècle*. Paris: Payot & Rivages, 2000 (1993). P. 317.

² Мадридские договоры 1667 и 1670 гг., Нимвегенские 1678 и 1679 гг., Рисвикские 1697 г., Утрехтские 1713 г., Баденский 1714 г., Гаагский 1717 г., Лондонский 1718 г., Венский 1738 г., Аахенский 1748 г., Мадридский 1750 г. и т. д.

³ *Traité de paix définitif et alliance entre la Grande-Bretagne, la France et l'Espagne, conclus à Paris le 10 février 1763*: <http://mjp.univ-perp.fr/traites/1763paris.htm> Дата обращения: 07.01.2019.

⁴ Цит. по: Cornette J. *Absolutisme et Lumières, 1652-1783*. Paris: Hachette, 1993. P. 130.

Первая статья Парижского мирного договора провозглашала восстановление «христианского, всеобщего и вечного мира на море и на суше, а также искренней и неизменной дружбы» (*une Paix Chretienne, universelle, & perpetuelle tant par Mer que par Terre, & une Amitié sincere & constante*)⁵ между участвовавшими в войне монархами. Причем «христианский, всеобщий и вечный мир» заключали правители, представлявшие разные конфессии, а внутри страны у них последователи других христианских деноминаций были ограничены в правах.

Несмотря на заявления о «вечном мире», французские политики вынашивали мечту о реванше, но не любой ценой. Среди политической элиты Франции существовали серьезные разногласия относительно способов – как военных, так и мирных – вернуть былое могущество и влияние в Европе. Споры о внешней политике Франции в новых условиях шли до самого конца царствования Людовика XV и продолжились при его преемнике Людовике XVI. Изучение записок главы «секретного кабинета» Людовика XV Шарля-Франсуа, графа де Бройя, дипломата Жана-Луи Фавье, переписки Людовика XVI с госсекретарем иностранных дел Шарлем Гравье, графом де Верженном и записок Верженна позволяет выявить представления короля, его министров и дипломатов об основах европейской стабильности, о «балансе сил» в Европе, о «справедливых и несправедливых войнах», а также осознание ими выхода внешнеполитических интересов европейских держав за пределы Европы.

Историки неоднократно отмечали ослабление внешнеполитических позиций Франции, со всей очевидностью обозначившееся в середине XVIII в., как детонатор процессов, которыми правящие элиты не сумели управлять и которые впоследствии привели к революции⁶. Таким образом подрывалась основа консенсуса монарха, наделенного абсолютной властью, с социальными элитами. За ним признавали абсолютную власть, в том числе право распоряжаться жизнью и имуществом подданных, если он обеспечивал ведущее положение Франции в Европе. Дворяне готовы были нести свою часть бремени налогов - приносить жертву во имя «общего блага», - если таким образом оплачивались военные победы. Если же побед не было, рождалось недовольство и авторитет монарха падал. Введение Людовиком XIV капитации, – которой, наряду с прочими, облагались и люди из высших сословий, - в конце XVII в. прошло незамеченным, а установление двадцатин в XVIII в. всякий раз вызывало активное противодействие привилегированных. Впрочем, распространение оппозиционных настроений во французском обществе XVIII века – факт общеизвестный. Нас же сейчас интересует, как расценивали сложившееся внешнеполитическое положение и перспективы его изменения сами правящие круги.

В последние месяцы царствования Людовика XV (16 апреля 1773 г.) Ж.-Л. Фавье составил по поручению и под руководством графа де Бройя подробную записку под названием «Толковые предположения о нынешнем положении Франции в политической системе Европы и взаимоотношениях

⁵ <http://mjp.univ-perp.fr/traites/1763paris.htm> Дата обращения: 07.01.2019.

⁶ Doyle W. Origins of the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1999.

о положении Европы относительно Франции и, наконец, о новых комбинациях, кои должны или могут произойти от этих различных взаимоотношений, а также в политической системе Европы»⁷. Стоит сразу обратить внимание на лексику этого документа: в его названии дважды употреблено словосочетание «политическая система Европы». Это свидетельствует об определенном уровне развития теории международных отношений: они мыслятся составителями записки не просто как двусторонние или многосторонние отношения между монархами и дипломатами, а именно как система.

Говоря о франко-австрийском договоре 1756 г. французские дипломаты употребляют термины, хорошо нам знакомые по историографии международных отношений XVIII века. Авторы называют его заключение «революцией» и «переворотом» (*renversement*), объясняя, что следствием версальского договора 1 мая 1756 г. стало разрушение старой и создание новой политической системы⁸. Эта новая политическая система содержала в себе, если рассматривать ее с точки зрения Франции, большие недостатки, которые стали очевидны после окончания Семилетней войны и заключения Парижского мира: единственным союзником Франции в Германии остался венский двор, а на севере Европы – только Швеция, но она находится в международной изоляции и представляет собой для Франции не столько помощницу, сколько обузу (*ne pouvoit nous être qu'à charge*). То есть союзников у Франции стало меньше и сократились возможности для дипломатических маневров. Эту новую внешнеполитическую ситуацию авторы текста считают еще более пагубной для Франции и ее международного веса и престижа, чем само по себе поражение в Семилетней войне. Их оценка сложившегося положения звучит очень жестко, может быть даже преувеличенно жестко: «Европа привыкла видеть во Франции державу, ставшую второстепенной в политическом ряду (*une puissance devenue secondaire dans l'ordre politique*); одним словом, резервный корпус на службе у Австрии (*un corps de réserve aux ordres de l'Autriche*)»⁹. Во франко-австрийском союзе Австрия играет ведущую роль, благодаря тому, что ее сила обеспечивается упорядоченным состоянием финансов, позволяющим ей содержать хорошо вооруженную армию, тогда как «французские министры, с одной стороны, увлекались реформами, а с другой – проявляли расточительность, в результате чего Франция осталась разоруженной, а ее граница – почти открытой»¹⁰.

⁷ Conjectures raisonnées Sur la situation actuelle de la France dans le système politique de l'Europe; et réciproquement sur la position respective de l'Europe à l'égard de la France; enfin, Sur les nouvelles Combinaisons qui doivent ou peuvent résulter de ces différens Rapports, aussi dans le système politique de l'Europe // Politique de tous les cabinets de l'Europe, pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI; ... Manuscrits trouvés dans le cabinet de Louis XVI. 2 vols. Paris: chez Buisson, 1793.

⁸ Conjectures raisonnées Sur la situation actuelle de la France dans le système politique de l'Europe // Politique de tous les cabinets de l'Europe. T. 1. P. 178-179.

⁹ Ibid. P. 182.

¹⁰ «Le ministère françois, réformant d'un côté et prodigant de l'autre, laissoit la France désarmée, et sa frontière presque ouverte» (Conjectures raisonnées Sur la situation actuelle de la France dans le système politique de l'Europe // Politique de tous les cabinets de l'Europe. T. 1. P. 184).

Рассматривая положение Франции в ряду европейских держав, авторы записки обращают внимание на то, что ее традиционные союзники ослаблены: Польша разделена, Османская империя находится при последнем издыхании (*aux abois*), положение Швеции непрочное. Австрия же – ненадежный союзник, потому что она участвовала в разделе Польши и ведет войну против Порты. Из сказанного следует вывод: союз с Австрией не принес Франции ничего, хотя она и честно выполнила все взятые на себя обязательства. Поэтому в нынешней ситуации, пишут они, было бы «справедливо и разумно (*juste et raisonnable*) рассматривать союз 1756 г. как разорванный, аннулированный и недействительный (*non avenue*)»¹¹.

Разбирая далее отношения Франции с союзниками, авторы записки предупреждают, что у альянса с Испанией есть труднопреодолимые препятствия. Главное – это «национальная ненависть» (*la haine nationale*) испанцев к французам. Ее причинами стали три столетия вражды, на протяжении которых о французах в Испании говорили только плохое, а также народные предрассудки и плохое образование. Правда, эта ненависть охватывает не всё испанское общество. Ее носителями являются, главным образом, народ и духовенство. Она также неравномерно распространена по территории страны: в основном, «национальная ненависть» встречается во внутренних областях Испании и в гораздо меньшей степени – в столице и в портовых городах, где на французов привыкли смотреть не как на врагов, а как на источник денег и доходов¹².

В Германии и в Италии влияние Франции упало. Голландию вообще не следует рассматривать как потенциального союзника. Она представляет собой меркантильное государство. Ее политика определяется исключительно торговой выгодой, и при этом она находится под ярмом Англии (*sous le joug de l'Angleterre*). К тому же, народ Голландии, памятуя о прошлых войнах, не любит и боится французов.

Авторы записки не только с сожалением описывают упадок международного влияния Франции, но и излагают концептуальные положения, из которых, по их мнению, следует исходить правителям, определяя свою политику. «Фундаментальной максимой» (*une maxime fondamentale*) и «неоспоримым принципом» (*un principe incontestable*), на их взгляд, является то, что уважение к государю и к государству, достоинство (*sa dignité*) и превосходство (*sa prééminence*) того и другого, его место в политическом порядке (*son rang dans l'ordre politique*) зависят от его могущества (*la puissance*), которое имеет два основания: армию и союзы. Существуют две силы: военная (*la puissance militaire*) и федеративная (*la puissance fédérative*). К ним можно добавить третью: силу денег, являющуюся основой и подпиткой для двух других (*c'est la puissance pécuniaire, la base et l'aliment des deux autres*), но поскольку она относится не к внешней политике, а к внутренней администрации, в записке она специально не рассматривается¹³.

¹¹ Conjectures raisonnées Sur la situation actuelle de la France dans le système politique de l'Europe // Politique de tous les cabinets de l'Europe. Т. 2. Р. 59.

¹² Ibid. Р. 153-157.

¹³ Conjectures raisonnées Sur la situation actuelle de la France dans le système politique de l'Europe // Politique de tous les cabinets de l'Europe. Т. 1. Р. 191-192.

Если говорить о военной силе, то она, по мнению авторов, зависит не только от численности армий. Значение имеют также оборонительные средства, и с этой точки зрения Франция имеет целый ряд преимуществ, по сравнению с другими европейскими державами. Ее территория представляет собой единое и компактное целое; ее границы частично защищены естественными преградами (горами и морями); имеется тройной кордон крепостей (которые, правда, плохо содержатся); наконец, большое значение имеет «дух нации, всегда непобедимой на своей территории» (*l'esprit d'une nation toujours invincible chez elle*), всегда готовой оправиться от поражения и изгнать врага. Так что Францию трудно атаковать, ее легко защищать и легко возвращать утраченное, - всё это, вместе взятое, есть не что иное, как сила инерции (*une force d'inertie*), или пассивная часть военной силы (*la partie passive de la puissance militaire*). Она необходима, но одной ее недостаточно для того, чтобы возвести государя и государство в первые ряды политического порядка (*au premier rang dans l'ordre politique*) и удержаться там, если государь будет слишком долго довольствоваться только ею и пренебрегать активной частью военной силы (*la partie active de la puissance militaire*)¹⁴.

При этом авторы записки считают нужным оговориться, что они вовсе не хотят внушить правителю воинственные или излишне амбициозные идеи, поскольку «мир – это, пожалуй, самое ценное преимущество для любого государя и государства, и потомство будет вечно благословлять память миролюбивого короля. В нашем веке просвещение и разум особенно усовершенствовали теорию мудрого правления (*la théorie des gouvernemens sages*)»¹⁵. Но, несмотря на возобладавший дух мира и человечности, не следует забывать старую аксиому «*si vis pacem, para bellum*». Поэтому ради прочного мира Франция должна сделать усилие, чтобы выйти из нынешнего униженного состояния и «вновь встать по военной мощи на один уровень с другими великими дворами» (*se remettre de niveau avec les autres grandes cours, relativement à la puissance militaire*)¹⁶.

Один из соавторов «Толковых предположений», граф де Брой передал 1 марта 1775 г. (в то время де Брой был французским послом в Польше) Людовику XVI записку, составленную с целью проанализировать причины и следствия первого раздела Польши. По его словам, «в то время как все державы извлекли большую или меньшую выгоду из этого общего устройства на Севере, одна Франция, отстраненная от посредничества и от раздела, потеряв всё влияние в Польше и в Швеции, рискует потерять еще, вследствие проникновения России и Англии, свою левантийскую торговлю и прежний кредит у турок, кои обвиняют ее во всех бедствиях войны [*русско-турецкой – Л.П.*]»¹⁷. Первое, что, по мнению де Броя, следует сделать для укрепления пошатнувшегося международного положения

¹⁴ Ibid. P. 193-194.

¹⁵ Ibid. P. 200.

¹⁶ Ibid. P. 205.

¹⁷ Mémoire du Comte de Broglie, Sur la Paix du Nord, le Démembrement de la Pologne, et les suites que ces événemens peuvent et doivent avoir sur le système politique de la France // Politique de tous les cabinets de l'Europe. T. 1. P. 168.

Франции, - это исправить состояние ее финансов. «Это лучший способ вернуть уважение, без коего великая держава, как и малая, обречена испытывать высокомерие врагов и пренебрежение своих собственных союзников. Из-за бедственного состояния, в кое их [*финансы – Л.П.*] привела дурная администрация, длящаяся вот уже десять-двенадцать лет, и произошел чувствительный упадок нашего влияния в Европе»¹⁸. То есть упадок, по мнению де Бройя, начался в 1763-1765 гг., после Семилетней войны, которая расстроила финансы¹⁹, а администрация так и не смогла привести их в порядок.

Отметив значение финансов, де Брой далее оставляет эту тему и излагает свой план исправления пошатнувшегося международного положения Франции, который предусматривает меры только внешнеполитического характера. Во что может обойтись реализация такого плана, де Брой подсчитать не пытается. Его план состоит из четырех пунктов: необходимо, во-первых, выйти из нынешнего состояния «политической летаргии»; во-вторых, преодолеть возникшее охлаждение отношений с венским двором, чтобы воспрепятствовать его губительной для Франции связи с Россией и Пруссией; в-третьих, восстановить былой союз с прусским королем, особенно если не удастся наладить отношения с Веней; и, в-четвертых, подготовить на случай разрыва с венским двором союзы с неаполитанским королем (при посредничестве Испании), Генуей и королем Сардинии²⁰. Таким образом, де Брой предлагал проводить более активную внешнюю политику, заключающуюся, в основном, в поисках новых союзников взамен Австрии. Поиски, по его мнению, следовало вести по двум направлениям: налаживать отношения с явными и потенциальными противниками Австрии и расширять круг участников «семейного пакта» Бурбонов. Примечательно, что в записке де Бройя речь идет исключительно о континентальной политике Франции. О ее интересах за пределами Европы и о соперничестве с Великобританией автор пишет только в связи с Турцией и левантской торговлей. Очевидно, вопросы колониальной политики в тот момент не представлялись ему актуальными, хотя оставалось лишь полтора месяца до начала Войны за независимость североамериканских колоний Великобритании, когда королю Людовику XVI надо будет определиться и, осмыслив интересы Франции как европейской и колониальной державы, занять свою сторону в этой войне²¹.

В целом, если подытожить содержание обеих записок, составленных лично де Бройем или под его руководством, то можно отметить, что обрисованная в них «система международных отношений» основана преимущественно на военной силе, а за миролюбивой риторикой записок почти не скрывается идея реванша.

¹⁸ Ibid. P. 168-169.

¹⁹ На участие Франции в Семилетней войне было потрачено 1,8 млрд. ливров, долг по окончании войны составил 467 млн. ливров (Cornette J. Absolutisme et Lumières. P. 129).

²⁰ Mémoire du Comte de Broglie. P. 175.

²¹ Подробнее об этом см.: Пименова Л.А. Правители Франции перед лицом британского вызова // Французский ежегодник 2008. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008.

Одним из лейтмотивов в записках де Бройя проходит тема ненадежности франко-австрийского союза. Сомнительный характер этого союза стал очевиден после первого раздела Польши. Позиция Франции перед лицом первого раздела послужила отправной точкой для размышлений графа де Верженна, назначенного Людовиком XVI на пост госсекретаря иностранных дел. В 1774 г. он подал королю свою записку на сей счет. Он расценил раздел Польши как вопиющее нарушение европейского равновесия, на которое Франция должна была бы дать достойный ответ, но ее внутреннее состояние сейчас не позволяет это сделать²². В своих рассуждениях Верженн апеллирует к принципу «всеобщего европейского баланса», который в настоящее время, по его мнению, нарушен: «В течение почти двух веков великие державы направляли все свои стремления и отдавали все свои силы до полного истощения на то, чтобы не допустить преобладания какой-либо из них (*pour empêcher qu'aucune d'elles ne pût devenir prépondérante*). Новая комбинация занимает место этой системы всеобщего равновесия»²³. Как же должна действовать Франция, чтобы занять достойное место в этой новой комбинации, когда равновесие нарушено? Верженн подчеркивает большую роль мнения, которое является в политике такой же силой, как армия, оружие и деньги: «Репутация (*la considération*) и влияние любой державы измеряются и регулируются мнением, сложившимся относительно ее внутренних сил»²⁴. Нужно, следовательно, сформировать наиболее благоприятное мнение о себе, заставить себя уважать. А за что уважают нацию? По мнению Верженна, «нацию уважают, если видят, что она способна оказать сильное сопротивление и что она, не злоупотребляя превосходством в силе, желает лишь того, что справедливо, что может быть полезно для всех, а также мира и всеобщего спокойствия»²⁵. То есть нацию уважают за силу, справедливость, стремление ко всеобщему благу, пользе, миру и спокойствию. Верженн в своей записке обращает внимание на обстоятельство, ставшее очевидным в годы Семилетней войны, – на возросшую роль пропаганды. И он заключает: «Говорят, что мнение правит миром. Правительство, которое умеет обращать его себе на пользу, удваивает, вместе с представлением о своих реальных силах, авторитет и уважение, кои всегда были и будут наградой за хорошо управляемую администрацию и самой надежной гарантией спокойствия»²⁶.

Свои взгляды на внешнюю политику Франции вообще и на перспективы франко-австрийского союза в частности Верженн изложил в письме королю от 12 апреля 1777 г.²⁷ Побудительным мотивом стал приезд во Францию императора Иосифа II. Верженн в письме признавал, что союз с Австрией сам по себе неплох, как, впрочем, любой мирный договор, и его следует исполнять. Однако министр

²² «Mais sa situation intérieure ne doit pas lui conseiller, et ne peut pas lui permettre d'entrer dans un aussi grand engagement» (Mémoire de M. de Vergennes, au commencement du règne de Louis XVI, 1774 // *Politique de tous les cabinets de l'Europe*. T. 2. P. 384).

²³ «Une nouvelle combinaison prend la place de ce système d'équilibre général» (Mémoire de M. de Vergennes. P. 386).

²⁴ Mémoire de M. de Vergennes. P. 393.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibid. P. 394.

²⁷ Louis XVI and the comte de Vergennes: correspondence, 1774-1787 / Ed. by J. Hardman and M. Price. Oxford: Voltaire Foundation, 1998. P. 247-250.

опасался, что император будет склонять Людовика XVI к укреплению союзнических отношений с Австрией и, возможно, к поддержке австрийской экспансии на восток и расширения ее владений за счет Турции. Против этого он предостерегал короля и подчеркивал, что Франция вовсе не нуждается в укреплении и развитии отношений с Австрией. Он предлагал Людовику «бросить взгляд на топографическое положение основных европейских держав, чтобы убедиться, что никакая другая [кроме Австрии – Л.П.] не имеет ни возможности, ни интереса воевать против Вашего Величества на континенте»²⁸. У «закоренелого врага» (*l'ennemie invétérée*), то есть Англии для этого недостаточно сухопутных сил, и в одиночку она не решится напасть на Францию. Соединенные провинции о таком и помыслить не могут, «их ничтожество известно» (*leur nullité est connue*). Прусский король способен на многое, но от возможного нападения на Францию его удерживает вражда с Австрией. Со стороны Испании и Сардинии Франции ничто не угрожает. Так что «действенную пользу» (*l'utilité active*) союз с Австрией может принести только в случае нападения прусского короля на территорию Франции через Нидерланды, лишь в этом случае Франция была бы заинтересована в военной помощи со стороны Австрии, но такое нападение было бы одновременно и агрессией против Австрии, и она сама незамедлительно вступила бы в войну. Если рассмотреть положение различных австрийских владений, то станет ясно, что именно Австрия, а отнюдь не Франция реально и кровно заинтересована в помощи со стороны своего союзника и вряд ли способна сама оказать ему помощь.

Какая же тогда может быть выгода для Франции от союза с Австрией? Как пишет Верженн, «дух завоеваний никогда не вдохновлял действий Вашего Величества, поэтому союз с Венной может быть полезен тем, что, надежнее обеспечивая сохранение мира на континенте, он дает Вам больше возможностей готовиться и противостоять Англии – естественному и самому закоренелому врагу Вашей славы и процветания Вашего королевства»²⁹. Так Верженн исподволь приводил короля к мысли о целесообразности направить свою внешнеполитическую стратегию за пределы Европы, в сторону заморских колоний. Но союз с Австрией, необходимый для поддержания мира и баланса сил в Европе, должен быть основан на равенстве сторон, ни одна из них не должна требовать от союзника помощи, не давая ничего взамен.

Австрия может попросить помощи со стороны Франции, чтобы победить прусского короля, а вместе с ним всю «протестантскую партию» в Германии, но это уже было бы совсем не в интересах Франции. Франция заинтересована в сохранении сильной Пруссии на границе австрийских владений, именно это заставляет Австрию искать союза с Францией. В случае решительной победы над Пруссией Австрия чрезмерно усилится, и в Германии ей не останется противовеса, а это нарушило бы

²⁸ Ibid. P. 247.

²⁹ Ibid. P. 248. В примечании к этому письму издатели переписки Верженна с королем Джон Хардман и Манро Прайс высказывают предположение, что, по мнению Верженна, смысл союза с Австрией для Франции состоял в предотвращении возможного союза Австрии с Англией.

сложившийся баланс сил. Амбиции прусского короля, конечно, тоже нужно сдерживать, но он не так опасен для Франции, как австрийский дом.

Верженн решительно призывает короля ни в коем случае не соблазняться никакими посулами со стороны Австрии. Например, по словам министра, император может попросить у французского короля помощи в войне с турками, чтобы отнять у них земли, а взамен пообещает Франции Южные Нидерланды. Это, как считает Верженн, очень опасно, потому что полностью изменит политическую систему Европы, вызвав против Франции враждебность со стороны Соединенных провинций и Пруссии и бросив их в объятия Англии. Франции сейчас надо не стремиться расширять свою территорию, а, наоборот, бояться этого, так как чрезмерно расширяющиеся границы ослабляют центр. У Франции уже есть всё, что составляет реальную силу: плодородная почва, ценные товары, без которых не могут обойтись другие нации, работающие и предприимчивые жители, подданные, верные своему королю и родине. Верженн предостерегает короля от соблазна территориальных захватов в Европе. «Слава королей-завоевателей – бич человечества, слава королей-благодетелей – его благословение»³⁰, - пишет он, что больше похоже на слова философа, а не министра. Среди современников Верженна военные победы уже не считались бесспорно необходимыми для славы и процветания. Так, накануне Семилетней войны, в 1756 г. вышло сочинение аббата Куайе «Торгующее дворянство», спровоцировавшее дискуссию о достойных занятиях дворянина. Куайе доказывал, что торговля столь же достойна, как и военное дело. Предложенную переоценку ценностей он распространял не только на дворянское сословие, но и на самого монарха. Куайе писал: «Царствование Людовика Великого было веком гения и завоеваний. Пусть же царствование Людовика Возлюбленного [Людовика XV – Л.П.] будет веком философии, коммерции и счастья»³¹.

Верженн рассуждает подобно Куайе, причем важно, что высказывает он это не в публичной декларации о заключении мира, а в письме королю, где министр иностранных дел излагает и аргументирует свое внешнеполитическое кредо. Представив свои доводы, Верженн подводит итог относительно места Франции в системе международных отношений: «Франция, расположенная в центре Европы [*sic!* – Л.П.], вправе вершить великие дела, ее король, подобный высшему судии (*semblable à un juge suprême*), может считать свой трон трибуналом, установленным Провидением, дабы заставить уважать права и собственность суверенов»³². Если теперь Людовику удастся навести порядок у себя внутри страны, то и во внешней политике у него всё получится и во всей Европе воцарятся мир и справедливость под эгидой французского короля.

³⁰ Ibid. P. 250.

³¹ Coyer G.-F. La noblesse commerçante. Londres, 1756. P. 215.

³² Ibidem.

Близки ли были эти взгляды самому монарху? По-видимому, да, во внешнеполитических принципах он сходил с Верженном. На такие мысли наводит оценка, данная им в 1777 г. деятельности герцога де Шуазёля. Людовик XVI характеризует его как человека смелого, предприимчивого, решительного, «но что же осталось, - недоумевает король, - на память от его рискованной администрации (*de sa périlleuse administration*), кроме этой скалы в Средиземном море³³, политой кровью в ходе двух смертоносных кампаний и захваченной, наконец, очень большой ценой, чтобы ничего не производить и вовлекать нас в постоянные расходы»³⁴. Может показаться, что король оценивает успех или неуспех внешней политики по размеру захваченной территории, но ведь в данном случае он пишет о деятельности Шуазёля, возглавлявшего три министерства (военное, морское и иностранных дел) во время Семилетней войны и принесшего своей стране – при всем его реформаторском пыле и дипломатических талантах – лишь не очень нужную Корсику. Король считает политику Шуазёля наступательной, агрессивной, нацеленной на экспансию, и именно с точки зрения поставленных целей она ничего не принесла.

Как видно из рассмотренных документов, в рассуждениях французских дипломатов прослеживаются два направления: «реваншистское» (его придерживались бывший министр Людовика XV Шуазёль и глава «секрета короля» де Брой) и «пацифистское» (к нему можно отнести Людовика XVI и Верженна). Первое оставалось в русле прежней внешней политики европейской экспансии, унаследованной от Людовика XIV. Тот курс, что предлагал Верженн, не был ни продолжением старого, ни предвосхищением будущего «европейского концерта». Верженн вдохновлялся прежней идеей гегемонии Франции в Европе, но только трактовал ее не как результат военных побед и территориальных захватов, а как гегемонию Франции-арбитра, улаживающего конфликты между европейскими державами, не вмешиваясь в них непосредственно, подобно Римскому папе в Средние века и на заре Нового времени, к которому обращались за разрешением спора о разделе испанских и португальских колоний. Но такая позиция могла быть основана только на бесспорном и очевидном для всех военном, политическом и финансовом превосходстве Франции. Реализовать идеи Верженна на практике Людовику XVI и его министру не удалось. Вскоре новые правители свергнут Франции в новый виток территориальной экспансии, который закончится сокрушительным поражением. Пока же в международных договорах, заключаемых Францией, по-прежнему провозглашался недостижимый идеал вечного христианского мира.

Когда король Франции решился официально признать Соединенные Штаты Америки и вступить на их стороне в войну против Великобритании, союз между двумя государствами был назван «эвентуальным и оборонительным» и, согласно договору 6 февраля 1778 г. заключался на случай, если

³³ Людовик имеет в виду остров Корсику, присоединенную к Франции в 1768 г.

³⁴ Oeuvres de Louis XVI. 2 vols. Paris, 1864. T. 2. P. 26-27.

Великобритания «нарушит мир с Францией, либо вражески ее атаковав, либо потревожив ее торговлю и навигацию способом, противным праву народов (*d'une manière contraire au droit des gens*) и договорам, существующим между двумя Коронами»³⁵. Завершивший Войну за независимость Версальский договор 1783 г. провозглашал «христианский, всеобщий и вечный Мир, как на земле, так и на море», и «восстановление искренней и доверительной дружбы (*Il y aura une Paix chrétienne, universelle et perpétuelle, tant par mer que par terre, et une amitié sincère et confiante sera rétablie*) между Христианнейшим и Британским Величествами»³⁶. За этой декларацией следовал перечень договоров, заключенных с участием Франции и Англии с 1648 по 1763 г.³⁷, которые «служат основой и фундаментом мира и настоящего договора и потому все они возобновляются и подтверждаются в наилучшей форме». Таким образом, в договоре, заключенном на исходе Старого порядка во Франции, выражалась верность Вестфальскому миру как основе существующей международной политической системы.

Библиография (Bibliography):

- Пименова Л.А. Правители Франции перед лицом британского вызова // Французский ежегодник 2008. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. [Pimenova L.A. Praviteli Frantsii pered litsom britanskogo vyzova // Frantsuzskiy yezhegodnik 2008. M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2008.]
- Cornette J. Absolutisme et Lumières, 1652-1783. Paris: Hachette, 1993.
- Cornette J. Le roi de guerre: Essai sur la souveraineté dans la France du Grand Siècle. Paris: Payot & Rivages, 2000 (1993).
- Coyer G.-F. La noblesse commerçante. Londres, 1756.
- Doyle W. Origins of the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Louis XVI and the comte de Vergennes: correspondence, 1774-1787 / Ed. by J. Hardman and M. Price. Oxford: Voltaire Foundation, 1998.
- Oeuvres de Louis XVI. 2 vols. Paris, 1864.
- Politique de tous les cabinets de l'Europe, pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI; ... Manuscrits trouvés dans le cabinet de Louis XVI. 2 vols. Paris: chez Buisson, 1793.
- Traité d'alliance éventuelle et défensive conclu à Paris le 6 février 1778 entre la France et les Etats-Unis de l'Amérique: <http://mjp.univ-perp.fr/traites/1778paris.htm> Дата обращения 05.10.2018
- Traité de paix définitif et alliance entre la Grande-Bretagne, la France et l'Espagne, conclus à Paris le 10 février 1763: <http://mjp.univ-perp.fr/traites/1763paris.htm> Дата обращения: 07.01.2019
- Traité de paix entre le roi de France et le roi de la Grande-Bretagne, signé à Versailles le 3 septembre 1783: <http://mjp.univ-perp.fr/traites/1783versailles.htm> Дата обращения 05.10.2018

³⁵ Traité d'alliance éventuelle et défensive conclu à Paris le 6 février 1778 entre la France et les Etats-Unis de l'Amérique: <http://mjp.univ-perp.fr/traites/1778paris.htm> Дата обращения 05.10.2018.

³⁶ Traité de paix entre le roi de France et le roi de la Grande-Bretagne, signé à Versailles le 3 septembre 1783: <http://mjp.univ-perp.fr/traites/1783versailles.htm> Дата обращения 05.10.2018.

³⁷ Вестфальские договоры 1648 г., Нимвегенские мирные договоры 1678 и 1679 гг., Рисвикские 1697 г., Утрехтские договоры о мире и торговле 1713 г., Баденский договор 1714 г., Гаагский договор о тройственном союзе 1717 г., Лондонский договор о четвертном союзе 1718 г., Венский мирный договор 1738 г., Аахенский окончательный договор 1748 г. и Парижский договор 1763 г.